

Глава 1

Любашка возвращалась домой. Девушка сидела на самом последнем сиденье старенького автобуса, подпрыгивая на каждой кочке, и это ее очень веселило. Вообще, ее все веселило и радовало, потому что она возвращалась домой. Теперь уже насовсем!

Любаша три года училась в медицинском училище и теперь, став фельдшером, возвращалась по распределению в свое родное село Богородское. Это удалось Любе потому, что училась она прилежно, уделяя все свое время обучению, и красный диплом помог ей — комиссия при распределении выпускников учла ее желание.

Возле Любашкиных ног стояла большая сумка, нагруженная городскими гостинцами, их собирала и сама Любаша, чтобы порадовать маму и бабушку с дедом, и бабушкина сестра Таисия Прохорова, у которой Любаша жила все время своей учебы. И теперь девушка предвкушала, как обрадуется мама сережкам с синим камушком, дед довольно закричит, когда Люба вручит ему теплые меховые рукавицы, а бабушка чуть зардеется от радости, увидев новый

Алена Берндт

платок, и скажет: «Ну что ты, внученька, зачем же на нас тратилась!»»

Любаша улыбнулась, так тепло стало на душе, как же хорошо — вернуться домой. Ничто не омрачало ее беззаботной души, впереди было только приятное! Когда из-за поворота показались крыши родного села, Любашкино сердечко счастливо екнуло — она наконец-то была дома...

На повороте в Богородское, у старого раскидистого дуба, который был старше Любашки, и старше ее мамы и, наверное, даже бабушки, стояла женская фигурка в голубом ситцевом платье и белой косынке — это мама встречала дочку. Любаша едва сдерживала намеревавшиеся на глаза слезы радости.

А дома все было так же, как и в тот день, когда уезжала Люба на учебу. Каждый раз разрываясь сердцем после проведенных каникул, когда нужно было возвращаться в город, теперь же Люба всей душой радовалась — никуда больше не нужно уезжать!

— Ну, Любашка, рассказывай, что там в городе! — Дед Иван Савельевич поставил на стол уютно пыхтящий самовар. — Поди ж, нового много понастроили? Давеча по телевизору показывали, кинотеатр новый открыли.

— Открыли, дедушка, — кивала Люба, с трудом отрываясь от бабушкиной ватрушки с творогом. — Только я не была внутри, только мимо проходила! Очень красиво!

— Надо было оставаться в городе, доченька, — мягко сказала Любина мать, Евдокия Ивановна. — Все же там для молодых жизнь больше подходящая! А у нас тут что: клуб да библиотека — все мероприятия. Ты умница, диплом на отлично, что ж себя в селе-то...

Янтарные бусы

— Мам, я не хочу в город. — Любаша будто даже виновато посмотрела на маму. — Мне у нас нравится, в Богородском.

— Что ты, Дуся, — покачала головой бабушка. — Девчонку гонишь, едва та домой приехала! Захочет, так и какие ее годы — уедет хоть в город, а хоть бы даже и в самую Москву!

— Да я не гоню, — Евдокия обняла дочь. — Сама по ней соскучилась, но ведь у нее жизнь впереди...

— Ладно вам, бабоньки, что запричитали! — усмехнулся дед. — Дайте девчонке отдохнуть! Дома и стены помогают! А ей уж скоро на работу, к Борисову нашему в подчинение! Научит ее, опыт будет, а там уж и сама решит, чего ей хочется! Давай-ка, матушка, носи наш подарок внученьке на окончание!

Любаша с восторгом разглядывала маленькую золотую подковку на тоненькой цепочке, у нее никогда не было таких украшений. Она переводила счастливый взгляд с мамы на бабушку с дедом, и в тот момент ее счастье было таким... бесконечным и ярким... Этот момент Люба будет вспоминать потом всю свою жизнь, и в самые трудные моменты он будет придавать ей силы.

Мать Любаша, Евдокия Ивановна, всю свою жизнь прожила в родном селе, работала в местном управлении колхоза счетоводом. Замуж она вышла за своего односельчанина, Егора Красавина, который служил в пожарной части. И жить бы да жить молодым, но горе постучалось в дом... Когда Любашке исполнился всего год, Егор погиб на пожаре. После такой потери так и не смогла Евдокия найти в своем сердце места ни для кого больше, кроме своего Егора, хоть и сватали молодую вдову хорошие, не бедовые мужи-

Алена Берндт

ки. Вернулась тогда Евдокия из комнаты в колхозном общежитии, выделенной молодой семье, в дом своих родителей и всю свою любовь отдавала дочке.

Любаша росла веселой и озорной девчонкой, но училась старательно, учителя хвалили ее, и Евдокия дочерью гордилась. А вот теперь, когда Люба выучилась «на доктора» и вернулась в родной дом, она была и рада, и не рада... Хотелось для дочки больше, чем местная больница, но и отпустить от себя... «Все же хорошо, что Люба решила остаться в Богородском!» — решила Евдокия. А там, как уж Бог даст!

А Любаша ни о чем не думала сейчас, она просто была счастлива! Оттого, что снова утром побежит на речку и роса будет приятно холодить босые ноги, и оттого, что будет помогать маме выгонять в стадо Рыжуху и ее теленка Бурку. А вечером они с дедом усядутся на старую скамью у крылечка, полосатый кот Васька подставит под Любину ладошку обкусанные в драках с соседскими котами уши, и станут смотреть на рассыпавшиеся по темному небу алмазы...

Утром понедельника явилась Любаша в сельскую больницу, которая расположилась на окраине Богородского, окруженная сквером и невысоким забором. Еще школьницей бегала Любаша мимо приземистого здания и думала, что обязательно будет здесь работать! И вот теперь она шагала по выложенной булыжником дорожке, ведущей к главному входу.

— Красавина! Ну, очень рад, очень рад! — встретил Любашу главный врач местной больницы Аркадий Степанович Борисов. — Молодец, что вернулась в родное село, у нас работы здесь непочатый край! А молодежь все в город норовит уехать, там жизнь поинтереснее. Ну, ступай к Людмиле Васильевне, по-

Янтарные бусы

лучай форму и все, что доктору молодому положено! А после обеда пойдем с пациентами знакомиться!

Так и началась трудовая деятельность Любаши Красавиной, и совсем скоро ей уже казалось, что она давным-давно так живет. Пробегает ранним утром по вымощенной дорожке до больничного крыльца, облачается в белый халат и шапочку и идет в стационар. А после обеда собирает старенький докторский саквояж, доставшийся ей по наследству от ушедшей на заслуженный отдых Тамары Олеговны, и идет на домашние посещения. Кто-то из сельчан, кто не может сам явиться в больницу, ждет ее, чтобы доктор Люба, как прозвали ее пациенты, поставила укол или измерила давление. Любе нравилась ее работа, хоть иногда к вечеру она и не чуяла под собою ног.

— Ну, Любаня, ты молодец! — хвалил Борисов новую свою сотрудницу. — Дело свое знаешь, да и пациенты тебя нахваливают — рука легкая, улыбка приятная, от этого и болячки быстрее проходят. Вот что, девонька: в соседней Калиновке фельдшерский пункт остался совсем без доктора, нужно подстраховать. Петр Фокич сам заболел, в город на операцию положили, а Наташа, медсестра его, одна не справляется, да и ей самой скоро рожать, в положении она. Поедешь?

— Если нужно, то поеду, — согласно кивнула Люба. — Надо, значит надо.

Наскоро собравшись, Любаша попрощалась с домашними, и ранним утром УАЗ-«буханка» с красным крестом на боку повезла ее в соседнюю Калиновку. Деревня была не такая большая, как Богородское, но все же и не маленькая. Калиновский колхоз славился на весь район рекордными надоями, там был большой животноводческий комплекс, и люди в Калинов-

Алена Берндт

ке жили справно, добротнo. Дворы и хозяйства были хорошие, новая школа была год как отстроена. Сельчане говорили, что скоро и больницу новую начнут строить, а пока в помощь жителям Калиновки был небольшой фельдшерский пункт, расположенный в старом, но добротном бревенчатом доме.

Петр Фокич Кузнецов, который уже лет двадцать как заведовал пунктом, а сейчас вот сам вынужден был прибегнуть к помощи своих коллег, жил недалеко от пункта, а Любе Калиновское правление выделило половину дома, в другой половине которого жила та самая медсестра Наташа с мужем Григорием и собакой Найдой.

— Любаша, я так рада, что вы приехали! — Наташа встретила коллегу как родную. — Мне тяжело одной, особенно если по домам ходить приходится. Ноги отекают, спина болит! Пойдемте к нам обедать, Гриша скоро тоже придет — он в совхозе работает водителем, мы вас так ждали!

Так что все переживания Любиной бабушки Екатерины Прохоровны, что девочка «останется голодной в этой самой Калиновке, все же это не дома», оказались совершенно напрасными. Наташа рассказывала, что у них здесь и как, проворно накрывая стол к обеду, и Люба подумала, что довольно сильно уже округлившийся животик не мешает Наташе хозяйничать. Но вот бегать по селу с такой нагрузкой, да еще и по летней жаре, весьма бесполезно!

— «Домашних» у меня сейчас немного, — рассказывала Наташа. — Октябрина Литвинова, у нее гипертония, ей уколы ставим, так сама она не может приходить, вот к ней хожу. Нога у нее больная, тяжело ей. Еще Семенова Полина Петровна, диабет у нее,

Янтарные бусы

тоже домой к ней регулярно навещаю. Малыши еще двое у меня сейчас под наблюдением, Ерофеевы, думали их в город отправить, но Петр Фокич сказал, сами справимся. Хожу уколы делать, так они меня боятся оба — одному четыре, другому три! Сорванцы!

Любаше стало так хорошо, все беспокойства ушли, а ведь ехала сюда и побаивалась — мало ли... село незнакомое, люди чужие, как примут... Да и сама она как будет, никого ведь не знает.

Но сейчас, под опекой Наташи и Гриши, который оказался добродушным парнем с выгоревшими добела на солнце волосами, не таким и страшным все оказалось!

В половине дома, которую Любе выделили, были одна просторная комната и кухня с печкой. Окна выходили во двор, где хозяйничала строгая Найда — похожая на овчарку собака, в строгости воспитанная Гришей. Любу она приняла настороженно, но приказ хозяина «не трогать и охранять» хоть и неохотно, но исполняла. Кровать, шкаф, большой стол и четыре стула, легкие шторы-«задергушки» на окнах, а в кухне буфет с посудой и стол — вот и вся обстановка, но Любе много было и не нужно, она сюда ненадолго приехала.

Вечером она сидела на крылечке, смотрела на звезды, слушала, как затихает Калиновка, гася огоньки в окнах, и думала — как же сейчас дед Иван без нее? Сидит, наверное, гладит Васькины клочковатые уши и тоже думает, как тут Любашка? А получается, что смотрят они в одно и то же небо, на одни и те же звезды... Хорошо стало, тепло душе... словно парной летний вечер проник в нее ветерком.

Глава 2

— Любаш, ты как, сильно устала? — Наташа встретила коллегу после того, как та сходила к «домашним». — Уж очень сегодня жарко, пекло просто, я еле дышу! Сейчас бы на речку, искупаться... Давай в обед сбегаете?

— «Сбегаете», — рассмеялась Любаша. — Во-первых, тебе бегать не полезно, а во-вторых, в обед, в самую жару, какая речка? Ты же медик, сама знаешь.

— Так мы быстро, туда и обратно. — Наташа обмахивалась самодельным веером, сложенным из листка бумаги. — Это если на песке валяться да загорать — вредно! А окунуться в водичку, чуть поплавать и назад — полезно! Как медик тебе говорю!

Девчата рассмеялись, уговорившись так и сделать, все же погода и в самом деле стояла очень жаркая. Прием на сегодня закончился, народу было немного, в основном это было обострение хронических проблем, которые усугубляет жара, а после обеда Любаше нужно было еще сходить на дом к одной пациентке.

— Далеко это, почти на другом конце села, — покачала головой Наташа. — Да и вообще... Не люблю

Янтарные бусы

я этих Смирновых! Сама Галина Николаевна — женщина... так скажем, специфичная, с характером. Вот к ней и вызов — соседка ее Алеветина прибежала, попросила навестить. Я думаю, давление скорее всего, такая жара...

— А что же такого специфичного в ней? — Люба налила себе воды из стоящего в холодильнике графина. — Все мы разные, может, и мы с тобой на чей-то взгляд специфичные.

— Наверное, ты права, — ответила Наташа. — Но здесь... немного другое. Когда я сюда приехала после училища, Галина Николаевна была одной из первых моих пациенток, ух, задала мне шороху. Как у меня руки тряслись, когда она на процедуры приходила! Строгая женщина, властная. Хотя, наверное, только нашего Петра Фокича она немного побаивается, он у нас строгий доктор. Отчитал ее однажды при полном коридоре народу, так она попритихла.

— Ну что ж, пациенты у нас разные бывают, — сказала Любаша. — Нам их не выбирать, с любым работать придется. Я на практике тоже всяких встречала... Ну что же поделать: когда у человека что-то болит, он на весь мир сердится.

Люба не устояла перед уговорами своей новой коллеги, и в обеденный перерыв девчата все же сходили до местной речки, окунулись в прохладную, пахнущую ивой воду. Течение здесь было небыстрым и красиво ласкало ветви больших ив, раскинувшихся по берегам. Стволы их изящно изгибались, склоняясь к воде, и Люба засмотрелась на такой прекрасный пейзаж.

— Наташа, ты там долго не сиди, в воде, тебе это не полезно, — позвала Люба подругу. — Да и возвращаться пора. Как же здесь у вас красиво... прямо вол-

Алена Берндт

шебство какое-то. Так и представляешь себе эти ивы в лунном свете ночи, как у классика описано...

— Да, здесь красиво, — кивнула Наташа. — Я когда сюда приехала, тоже впечатлилась. А моя мама, она сама с Кубани, и, когда я была маленькая, мы ездили туда к бабушке, на старый хутор, вот где красота... Я думала, вырасту и уеду туда. А вот потом здесь Гришку своего встретила и никуда уже не хочу уезжать!

Послеполуденный зной разогнал с улиц Калиновки все живое. Любаша шла по тропке вдоль чьего-то забора и думала, как же все-таки хорошо, что они с Наташей искупались, иначе она бы сейчас умерла от этой жары. Дворовые собаки, высунув розовые языки, провожали прохожую утомленным взглядом — идет мимо, и хорошо, что не в их двор, а не то пришлось бы лаять, прогонять... Люба усмехнулась, заметив, как грозный на вид пес увидел кошку, прошедшую чуть не у самого его носа, и лениво отвернулся в сторону.

Дом Смирновых Люба узнала издалека, Наташа очень хорошо его описала. Выделялся он тем, что был единственным частным домом на селе, имеющим два этажа. Да и вообще двор отличался добротностью, во всем чувствовалась крепкая хозяйская рука.

Наташа рассказала Любаше, что хозяйка этого дома, Галина Николаевна, приехала сюда когда-то из самой Москвы, молодым педагогом по распределению. Здесь встретила своего будущего мужа, но даже после свадьбы и рождения детей не оставляла мысли вернуться в столицу. Чему ее супруг очень противился, а спустя какое-то время и вовсе категорически заявил, чтоб жена выбирала — либо прекращает эти разговоры и остается в Калиновке, либо пусть собирает

Янтарные бусы

чемодан и отчаливает к родителям. Дети, которые тогда были школьниками и разумеется тоже никуда уезжать не желали... Поговаривали, что чуть до развода тогда не дошло у Смирновых, но вопрос решился стараниями московских родственников Галины Николаевны. Ее родители заявили дочери, что свою московскую квартиру они оставляют старшему сыну, как и положено. Сами же переезжают жить в Подмосковье, где им остался дом от их родителей. А Галочка, как они ее называли, — ломоть отрезанный, так что должна жить с мужем в его семье и не покушаться на московскую прописку!

Галина тогда очень обиделась и всяческое общение с родственниками прекратила. Даже когда ее старший брат пожелал приехать навестить сестру и ее семью, а заодно и провести пару недель в деревне, на природе, Галочка явила миру знание таких слов... которые от педагога со стажем никто не ожидал услышать.

Так и осталась Галина Николаевна в ненавистой ей Калиновке, всегда приговаривая при случае, что вот «в Москве такое бы никогда не произошло» или «в столице люди так не рассуждают», а то и «что ж, все же еще встречается у нас в глубинке темный народ, несмотря на все старания государства»!

Местные кумушки сначала и обижались на такие речи, и, бывало, даже скандалили, но со временем просто-напросто перестали обращать внимание на высказывания «госпожи Смирновой», как нарекли ее калиновцы. А кому интересно слушать одно и то же на протяжении многих лет?

Муж Галины, Арсений Смирнов, был мужчина строгий, но на причуды жены своей внимания не обращал и в «бабские разговоры» не встревал. Его за-

Алена Берндт

ботой были выстроенный через год после их свадьбы дом, хозяйство, две дочери и долгожданный сын. Трудился он в местном совхозе главным агрономом, и в Калиновке справедливо говорили, что в том числе и его стараниями совхоз стал миллионером.

Конечно, все это, рассказанное Натальей Люба-ше, не имело для нее никакого значения: для Любы Галина Николаевна была одной из пациенток, которой требовалась помощь. Поэтому она осторожно заглянула во двор, огороженный выкрашенным в синий цвет штакетником, — нет ли там собаки. Убедившись в отсутствии оной, да и конуры тоже, как признака, Люба вошла во двор и направилась к украшенному искусной резьбой крыльцу.

«Как терем старинный, — подумала Люба. — По телевизору в передаче “В гостях у сказки” такие часто показывают!»

— Войдите! — раздался властный возглас, и Люба увидела, что из открытого окна за ней наблюдает темноволосая женщина с короткой стрижкой и строгим взглядом.

— Здравствуйте, — сказала Люба. — Я фельдшер, к Галине Николаевне. Нам поступил сигнал, что нужна помощь.

— Да. Это я вас звала. Надеюсь, вы тонометр принесли? Нужно измерить давление, и возможно, потребуется укол. А вы, простите, имеете опыт, необходимый для этого?

«Вообще-то женщина не выглядит больной или даже усталой», — подумала Люба, но говорить ничего не стала. Вызов есть вызов, она доктор и пришла не для того, чтобы размышлять, а для того, чтобы проверить состояние человека и оказать, если нужно, помощь.

Янтарные бусы

— Опыт для чего? Чтобы давление измерять? — она попыталась немного разрядить обстановку шуткой. — Да, у меня есть необходимый опыт. Могу я войти?

Люба так и стояла на крыльце, разговаривая с хозяйкой дома через окно. Галина Николаевна Любашиной шутки не оценила, нахмурилась еще больше, но милостиво кивнула в ответ и даже сделала приглашающий жест рукой.

— Вы новенькая? Откуда вы приехали? И где же наши местные доктора? — Галина Николаевна стояла, сложив руки на груди, и строго смотрела на Любу.

— Я из Богородского, меня зовут Любовь Красавина, и я замещаю Петра Фокича Кузнецова на время его отсутствия. Где можно вымыть руки? Давайте приступим, у меня есть еще работа.

Галина Николаевна хмыкнула и указала Любе на раковину, а сама присела на стул возле овального стола в гостиной. Люба открыла чемоданчик и обратилась к хозяйке дома:

— Какие у вас есть жалобы, что беспокоит?

— Вы же доктор, у вас образование медицинское должно быть, вот и скажите мне, что со мной, — неожиданно сердито ответила Галина Николаевна, но увидев крайнее изумление на лице пришедшего фельдшера, добавила: — Голова утром болела очень сильно, все плыло перед глазами и тошнило.

— Вы какие-то лекарства принимаете на постоянной основе? Может быть, от давления? — Люба решила не обращать внимания на характер пациентки.

— Да, мне Петр Фокич выписал таблетки.

— Постоянно принимать?

— Да, постоянно.

Алена Берндт

Люба складывала тонометр обратно в саквояж, давление у Галины Николаевны было повышено очень незначительно.

— Вы сегодня принимали их? Давление у вас в порядке, по крайней мере в настоящий момент. Что-то еще беспокоит?

— Да, принимала, как только поняла, что помощи из нашего медпункта я дождусь нескоро. Алеветина, моя соседка, сказала, что вы придете только после обеда.

— Что ж, если вас больше ничего не беспокоит, то я пойду. Рекомендую вам следовать назначениям лечащего доктора, в такую жару всякое может случиться. Если будет необходимость — вызывайте.

Люба заметила, что Галина Николаевна удивлена такой ее реакцией. Вероятно, она ожидала, что Люба рассердится, что напрасно шла по жаре на другой конец села. Сухо попрощавшись, она осталась сидеть на стуле.

Люба вышла со двора и нос к носу столкнулась с симпатичным высоким парнем, который удивленно воззрился на нее.

— Здравствуйте, а вы... доктор? К маме приходили? Что с ней?

— Я фельдшер. С вашей мамой все в порядке, — ответила Люба. — Простите, мне пора идти. У меня еще есть пациенты.

Молодой человек как-то растерялся — будто хотел догнать торопливо уходящую Любу, но и в то же время с беспокойством смотрел в окна своего дома. Строгий голос из окна окликнул его, и он заспешил домой.